

Удалецкие Сказы

К. Богданович

ЛЮДИ КРАСНОГО ЯРА

Удалецкие сказы

Кирилл Богданович
Люди Красного Яра

Издательство "Руда"

2019

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Богданович К. В.

Люди Красного Яра / К. В. Богданович — Издательство "Руда",
2019 — (Удалецкие сказы)

ISBN 978-5-6041907-2-2

Книга относит нас ко времени освоения Сибири русскими первопроходцами. Написана она в виде сказов о жизни простого казака Афоньки Мосеева, посвятившую эту жизнь служению людям, родной земле, утверждению на ней добра и справедливости. Он увидит, узнает и сотворит много всякой всячины, даже в чины выйдет, но не утратит при этом доверительной простоты в отношениях к людям, строгости и чести в исправлении «службы государевой», проявляя сноровку, терпение и храбрость, так необходимые в тех диких краях и в ту пору людям, заселяющим и обживающим новые земли. Запутанный сюжет, динамически развивающиеся события и неожиданная развязка, оставляют гамму положительных впечатлений. Яркие пейзажи, необъятные горизонты и насыщенные цвета – всё это усиливает восприятие и будоражит воображение. А проблемы, затронутые в романе, не потеряют своей актуальности и в наше время». Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6041907-2-2

© Богданович К. В., 2019
© Издательство "Руда", 2019

Содержание

Преобразованный мир	6
Золотинка	10
Зачин	13
Сказ первый	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кирилл Богданович Люди Красного Яра

Иллюстрации
Владимир Пингачёв

Преобразованный мир

Кирилл Всеволодович Богданович прожил недолгую жизнь, ушёл в возрасте 58 лет. И тем не менее смог в очень непростое время эпохи сказать и сделать много доброго своим нескорым, но неутомимым пером – в статьях, выступлениях, книгах, а также в работе в общественных организациях. Его запомнили в Красноярске не только журналистом и писателем, но и как яркого библиофила, до самых последних дней возглавлявшего городской клуб любителей книг и чтения.

А родился будущий писатель почти сто лет назад в небольшом городке Жмеринка на Украине в самый разгул гражданской войны. Это весьма колоритный город, насыщенной еврейской речью, безмятежным юмором, с модой на многолюдные прогулки по вымощенным булыжниками мостовым и зелёным аллеям с многочисленными чудиками: скрипачами, жонглёрами, продавцами сладостей – именно в год рождения Кирилла задрожал, изменился от еврейских погромов. Бесчинствовали петлюровцы и разного сорта бандиты. Досталось городу и во время Великой Отечественной войны. Туда согнали всех евреев из окрестных сёл и городов, устроив гетто. Фашисты принесли населению нечеловеческие страдания, велись постоянные расстрелы.

Оттого, возможно, нам повезло не потерять прекрасного писателя, поскольку в 1927 году, когда мальчику было всего 8 лет, семью Богдановичей советские власти выслали в сибирский город Томск. А позже, как госслужащую, мать перевели на работу в Красноярск. К слову, отец покинул семью вскоре после рождения сына, и маленький Кирилл в основном воспитывался бабушкой, вышедшей из состоятельной шляхетской семьи, владевшей огромными познаниями в области польской и западноевропейской литературы. Мать писателя – Людмила Гавриловна – получила солидное филологическое образование, владела наряду с родным польским, также немецким и французским, не говоря уже о русском и украинском языках. Так что первые годы своей жизни Богданович смог получить тот благодатный импульс к духовному обогащению, которого хватило на все последующие годы жизни. Недаром, окончив десятилетку, юноша выбрал не совсем мужскую по тем временам стезю – решил стать учителем и поступил в Красноярский педагогический институт.

Окончив филологический факультет в 1942 году, учителем Богданович поработал недолго, шла война и страна нуждалась в солдатах и командирах – его призвали на фронт. Предварительно пройдя обучение в военном училище, бывший учитель стал связистом, командиром взвода и участвовал в боях за освобождение Польши. И в этом восторжествовала некая справедливость: ведь на самом деле молодой боец освобождал родину своей бабушки, защищал землю предков.

Судьба будто долго готовила Богдановича к творческой стезе, писать он начал не в юности, а в зрелые годы, до этого словно накапливая атмосферу детства, учёбы, войны, сопричастности к истории. Давало о себя знать и мощное образование, полученное в семье и в институте. Именно поэтому, демобилизовавшись из армии в июле 1946 года, Кирилл Всеволодович избирает профессию, где можно применить ощущаемый, но не реализованный пока талант – окунается в журналистику, затем переходит на радио, на редакторскую работу.

Именно в этот период он увлёкся краеведением и всё свободное время отдавал поиску архивных документов о пребывании в крае декабристов, народовольцев, марксистов, заинтересовался историей зарождения библиотечного дела, театральной жизнью города. Но больше всего захватила его история возникновения и развития Красноярского острога, переросшего со временем в большой губернский город.

Первые публицистические публикации Богдановича появляются, начиная с 1963 года, в альманахе «Енисей». Единственное в советское время периодически выходящее литера-

турно-краеведческое издание в Красноярске стало колыбелью большинства сибирских авторов. Посоперничать с ним мог только журнал «Сибирские огни», выходящий в Новосибирске. Но краеведческие статьи стали предтечей возникновения глобального литературного труда. И точно так же, как кропотливо трудилась жизнь над созданием писателя – его профессионализма, образованности, чувством языка, точно так же долго рождалась книга «Люди Красного яра». С неутомимой любознательностью, монотонными изысканиями деталей, тщательной прорисовкой каждой из них – будь то костюм персонажа, предметы обихода, либо человеческие характеры, речь, диалоги. Через образы главных героев сказов – приказного подъячего Богдана Кириллыча и молодого казака Афоньки Мосеева – автор старался показать преемственность любви русских людей к своей родной земле.

Первая часть романа была готова к 1966 году, когда и увидела свет, получив положительные рецензии, оттого, не стремясь к быстрому успеху «снятия пенки», ещё щепетильнее, трудоёмко шла работа над продолжением. Оно появилось на свет только восемь лет спустя, а ещё через пять лет читатель получил полную книгу сказов о жизни Красноярска «изначального».

В этой книге автором воссозданы: эпоха, быт, нравы первых красноярских первопроходцев, картины ратных и трудовых будней казаков Красноярского острога. И здесь показателен необычный литературный приём. Даже из имени подъячего Богдана Кириллыча сразу становится понятным, что Кирилл Богданович в этом образе предьявляет читателю себя самого. Наделяя персонаж собственными мировосприятием, привычками, чертами характера, тягой к фиксации событий, автор с одной стороны, как бы слегка самоирионизирует, а меж тем это работа высшего пилотажа, поскольку, как известно, честно себя описать – труд не из лёгких. Выписывая приказного подъячего, писатель не фиглярствует, не реализует тщеславие, а совершенно наоборот: показывает в тексте, что как и этот персонаж пропускает происходящее через себя. Не просто погружаясь, а именно проживая вместе с ним всё происходящее, любуясь природой, поступками, испытывая настроения героев, их чувства, манеру размышления. И именно этим передавая невероятную достоверность, яркость переживаний, образность языка, драматичность взаимоотношений. Не от того ли все герои книги рельефны, как живые, что автор полностью вживается в каждого, предьявляя точные психологические зарисовки, мотивы поведения? Не потому ли читатель, как наяву, видит пейзажи – словно глазами предков?

Либо подобный созданный «с натуры» персонаж привёл автора к форме повествования, а, может быть, именно сказовая форма привела писателя к подобному художественному решению – остаётся загадкой. Возможно, и для самого автора. Поскольку, как известно, подобные идеи приходят к писателю как бы сами по себе, выше, обрастают текстом, покрываются ряской времени – и годы спустя он уже и не ответит точно, что возникло раньше: персонажи или форма? Но, безусловно, она была редкой для нашей литературы. Как и то, что именно благодаря ей автор нашёл способ передачи духа далёкого прошлого времени.

Что такое сказ в художественной литературе? Суть такой формы изложения в том, что рассказ ведётся не от лица отстранённого и объективного автора, а от лица субъективного рассказчика (как правило, участника соответствующих событий). При этом текст самого произведения как бы имитирует речь живого устного рассказа. А рассказчик в произведении, как правило, относится не к тому социальному и культурному слою, что автор и читатель. Так у Лескова это были: купец, монах, солдат, отставной городничий. И каждый из рассказчиков говорит именно той речью, которая ему свойственна в большей мере. Этим и достигается художественный эффект в произведении. Данная манера придаёт произведению живость и оригинальность в изложении сюжетов, углубляет социальный контекст, придаёт тексту индивидуальные творческие характеристики, даёт излагаемым событиям более тонкую и индивидуальную оценку.

Стилизация может достигаться подражанием сказочному, былинному и песенному складу, как, например, у Мельникова-Печерского «В лесах». Другой приём стилизации – под-

ражание диалектам и профессиональным говорам крестьян, например у Лескова в «Житие одной бабы». В русской литературе, согласно заключениям исследователей-литературоведов, сказ берёт свои начала от произведений Николая Гоголя. Но особо искусно он был представлен всё же в творчестве Николая Лескова. Его сказы о праведниках и героях из народа «Сказ о тульском Левше и о стальной блохе», «Тупейный художник», «Очарованный странник» – произведения, где в полной мере раскрыты данные художественные приёмы. Ещё один русский писатель – мастер подобного жанра – Бажов. Все помнят его «Малахитовую шкатулку» по форме и содержанию также являющуюся литературными сказами.

Таким образом, можно судить как об эрудиции Кирилла Богдановича, об его глубочайших познаниях в области отечественной литературной классики, так и отметить, что он, уютно расположившись в этой традиции, стал её откровенным продолжателем. Имея корни далёкой польской земли, случаем земной судьбы оказавшись в суровых сибирских краях, этот славный человек своё задушевное, сокровенное оставил в наследство и тем, с которыми он был рядом, и тем, которые будут жить на этой всё же уютной земле.

Постижение прошлого истории края, да и сама жизнь писателя, прошедшая в общении с книгами и окружающими людьми, как-то одинаково и выразительно точно обеспечивают истинность мысли французского классика Анри де Ренье: «время украшает прошлое обаянием»... Как тут не вспомнить Виктора Астафьева, написавшего о К. Богдановиче статью «Золотинка», вошедшую в книгу «Посох памяти»: «Читая книгу Богдановича, я подумал вот о чём: сколько же труда, старания и умения, большого умения, не побоюсь этого слова, потребовалось автору, чтобы собрать по крохам, редким записям, ведомостям и старым документам историю родного города и края, да и написать об этом, как уже говорилось, складно и ладно, не заполняя бумагу дешёвыми страстями-ужастьями, которые так любят, просто обожают громоздить писавшие и ныне пишущие о Сибири авторы, эксплуатируя экзотику Сибири, сибирский характер, который вроде бы как издавна пришёл, так и закаменел со страшным мурлом головореза, насильника и каторжанина.

Было, всё было здесь, в великой сибирской глухомани, и грабежи, и смертоубийства, как, впрочем, и в лесах муромских, и в достославных градах Новгороде и Пскове, да и по всей Руси нашей много чего бывало, только зачем же литературные-то скамейки ломать?

Богданович не ломает их, а уж о таких ли далёких и смутных временах повествует! Вот бы, казалось, напустить ему мороку, крови, смертей, бесовства и колдовства. В сказе Афонька правит посольство, но Богданович не поддаётся искусству ложной занимательности, ведёт сказ мягко, изящно и даже с юмором...

Но вот кто, не жалея сил и здоровья, дни и ночи, иной раз тратя отпуск и выходные дни, ведёт поиск, чтобы ныне здравствующие люди знали своё прошлое, тот, кто иной раз даже жизнь кладёт на паперть своего города, ещё нет-нет да нагоняй получит за излишнее любопытство или какую-нибудь спутанную дату и цифирку, кличку чудака приобретёт.

Видно, и впрямь судьба летописца – судьба подвижника. Может, в этом его назначение и счастье? Будем думать так. И этим утешим себя и тех симпатичных, чаще всего тихих, умных и самоотверженных людей, которые сидят в архивах, либо копаются в запасниках музеев, в земле и развалинах, извлекая ту самую «золотинку», без которой казна и история Отечества нашего есть неполная...»

Действительно – бессменное руководство Богдановичем городским библиофильским клубом, начиная с 1965 года вплоть до кончины в январе 1978 года, было каким-то благодатным действием на возвышающую одухотворённость книголюбской братии, ибо жизнь Кирилла Всеволодовича цельная сама по себе, несла в мир его окружения какое-то в милейшей привлекательности воспитующее и организующее значение.

Оттого считаем возможным выдвинуть гипотезу, что не только в образе приказного подъячего обозначил себя в произведении автор. Но и целеустремлённый Афонька Мосеев отча-

сти сам писатель. Вернее, в Афоньке видел он себя гипотетического, долгие годы ведя персонажа от начала к окончанию земной жизни, Богданович проецировал на него собственные мечты, поручал ему свои желания, главным из которых было – обустройство красноярской земли, оставляемой потомкам в том максимальном приложении сплава силы, мудрости и духа, на которое Афонька был способен, в то время, когда автор хотел быть способным на это.

Именно в разделении как бы единого персонажа на приближённого к реалиям подъячего Богдана и на приближённого к идеалу Афоньку глубинная драматургия произведения, за которой ещё глубже спрятана драма автора. Вслед за своим героем Кирилл Богданович всю свою жизнь занимался тем, что старался улучшить мир вокруг себя. Учил детей, воевал за Отечество, описывал текущие события, исправлял чужие тексты, прививал любовь к чтению. Поэтическим умом историка хотелось ему обустроить жизнь вокруг так, как некогда было в родной и уютной дореволюционной Жмеринке: неспешные прогулки по мостовым, продавцы газированной воды и скрипачи на аллеях. Сделать землю беззаботной, образованной, уютной. И это именно в период борьбы с инакомыслием, грандиозных, а порой – бесшабашных промышленных строителей, теснотой социалистической доктрины.

И опять-таки не скажешь лучше о главном персонаже романа, чем Виктор Петрович Астафьев в «Золотинке»:

«... Жизнь простого казака Афоньки, о котором написаны сказы, была полностью отдана служению людям, родной земле, утверждению на ней добра и справедливости. Много всякой всячины увидит, узнает и сотворит этот самый казак сибирский, даже и в чины выйдет десятником, после и сотником станет, но не утратит при этом доверительной простоты в отношениях к людям, строгости и чести в исправлении службы государевой, проявляя сноровку, терпение и храбрость, так необходимые в тех диких краях и в ту пору людям, заселяющим и обживающим новые земли. Но, как ни крути, казак Афонька ухватками, характером, всем укладом жизни больше всё-таки хлебороб и промысловик, и устремления его самые земные.

Никакой казацкой спеси в Афоньке, никакого гонора, земной, востротолый, то есть умеющий много видеть, он тянется к земле, к знаниям и сходится с монахом-летописцем Богданом, который затеял доброе, но по тем временам шибко крамольное дело описать для будущих людей, как и что тут было. Да вот беда во все века и всем людям нравилось и нравится, чтоб помнилось и писалось о них только одно хорошее, а летописец врать не может, записывает всё как есть. Кому ж такое поглянется?»

Дорогой читатель, взявший в руки эту книгу впервые! Или, может быть, специально вновь решивший погрузиться во времена давний и – меж тем – до предела современные. Ты абсолютно прав! Попытки найти ответ, откуда в людях та или иная черта, отчего человек поступает так или иначе, будут вознаграждены. Умелое использование зрительных образов писателем создаёт принципиально новый, преобразованный мир, энергичный и насыщенный красками. По мере приближения к апофеозу невольно замирает дух и впоследствии чувствуется желание к последующему многократному чтению. Запутанный сюжет, динамически развивающиеся события и неожиданная развязка, оставляют гамму положительных впечатлений. Яркие пейзажи, необъятные горизонты и насыщенные цвета – всё это усиливает восприятие и будоражит воображение. Очевидно, что проблемы, затронутые в романе, не потеряют своей актуальности ни во времени, ни в пространстве. Кажется невероятным, но совершенно отчётливо и в высшей степени успешно передано словами неуловимое, волшебное, редчайшее и крайне доброе настроение. Положительная загадочность висит над сюжетом, но слово за словом она выводится в потрясающе интересную картину, понятную для всех.

*Директор Красноярского отделения
Литературного сообщества писателей России
Михаил Стрельцов*

Золотинка

Все, кто когда-либо бывал в Красноярске, непременно замечали часовенку на Покровской горе, которая так установлена, к тому месту приделана, что с какой бы стороны ты ни шёл, ни ехал, ни плыл, ни летел, первой непременно увидишь её.

В прошлом году я с радостью приметил на часовенке реставрационные леса. Пора, давно пора привести в порядок эту разорённую и обезображенную достопримечательность города – не так уж богат Красноярск архитектурными памятниками.

...А была на этом месте когда-то караульная вышка, и гора называлась Караульной, оттого что стоял на ней самый настоящий казачий караул, охранявший от набегов Красноярский острог, не единожды горевший, многие напасти и беды претерпевший и всё же выстоявший, доживший до нынешних времён, до грандиозного размаха строительства.

Сюда-то, на гору Караульную, к караульной вышке, поднимается умирать старый казак Афонька – герой ладной и складной книги Кирилла Богдановича «Люди Красного Яра». Перед тем как подняться на гору, исполняет казак Афонька последние дела на земле, прощается с роднёй своей, даёт такие простые и надёжные наказы сынам и внукам: «Ну вот, собрались все, – заговорил дед Афонька после того, как долго и молча оглядывал их. – Вот. А мне, стало быть, в иной путь пора...»

Троекратно поцеловав старшего сына, тоже Афоньку, отходящий «в иной путь» казак наказывает, чтобы все жили семейно – оброк один будет, чтобы к службе государевой радели и в «шатости» друг дружки держались, а главное, чтоб помнили, что «наш корень сибирский берегчи надо... И никуда с Сибири... не сходить».

Дальше идут просто, но эпически широко и звучно написанные Богдановичем картины прощания с землёй, сделавшейся родной и любимой казаку Афоньке, с острогом, который он не раз защищал от набегов степняков и дуроломов-воевод.

«Он шёл по острогу сам. Шёл медленно, часто останавливался, глядя по сторонам. По бокам шли оба Афоньки, а сзади Тишка вёл в поводу осёдланных коней».

И вот семейная свита на Караульной горе. Сыны, что «свершились» при бросе через речку Качу, помогли старому казаку спуститься на землю.

«Он закинул голову как можно выше и увидел клоч небеса, спящего своей голубизной. Эта голубизна ослепила его и начала падать на него сверху: стало светло-светло, до боли в глазах. Он еще раз вскинул голову и уже больше ничего не увидел... Афонька присел рядом с телом отца и задумался. О том, что и он вот умрёт, но зато останутся дети его и их дети. О том, что надо исполнить наказы отца. Потом опять стал думать о смерти. Не о своей, а так, почему она есть? Жили бы и жили все, не помирая. Земли эвон сколь – на всех бы хватило... А колокол на остроге всё бил и бил. И на сопку поднимались всё новые и новые люди, и все подходили к усопшему, сняв шапки, крестились и желали ему Царствия Небесного».

Я намеренно начал разговор о книге «Люди Красного Яра» с конца: ведь любая жизнь всё-таки итогом, полезностью значима. А жизнь простого казака Афоньки, о котором написаны сказы, была полностью отдана служению людям, родной земле, утверждению на ней добра и справедливости.

Много всякой всячины увидит, узнает и сотворит этот самый казак сибирский, даже и в чины выйдет – десятником, после и сотником станет, но не утратит при этом доверительной простоты в отношениях к людям, строгости и чести в исправлении «службы государевой», проявляя сноровку, терпение и храбрость, так необходимые в тех диких краях и в ту пору людям, заселяющим и обживающим новые земли. Но, как ни крути, казак Афонька ухватками, характером, всем укладом жизни больше всё-таки хлебороб и промысловик, и устремления его самые земные.

Никакой казацкой спеси в Афоньке, никакого гонора – земной, «востротолый», то есть умеющий много видеть, он тянется к земле, к знаниям и сходится с монахом-летописцем Богданом, который затеял доброе, но по тем временам шибко «крамольное» дело – описать для будущих людей, как и что тут было. Да вот беда – во все века и всем людям нравилось и нравится, чтоб помнилось и писалось о них только одно хорошее, а летописец врать не может, записывает всё как есть. Кому ж такое поглянётся?

Воеводы и казацкие главари устраивают пожар, в котором гибнет летопись Красноярского острога, и бедный монах Богдан уходит в края иные, «слезьми уливаясь»...

Читая книгу Богдановича, я подумал вот о чём: сколько же труда, старания и умения, большого умения, не побоюсь этого слова, потребовалось автору, чтобы собрать по крохам, редким записям, ведомостям и старым документам историю родного города и края, да и написать об этом, как уже говорилось, складно и ладно, не заполняя бумагу дешёвыми «страстями-ужастями», которые так любят, просто обожают громоздить писавшие и ныне пишущие о Сибири авторы, эксплуатируя «экзотику Сибири», «сибирский характер», который вроде бы как издавна пришёл, так и закаменел со страшным мурлом головореза, насильника и каторжанина.

Было, всё было здесь, в великой сибирской глухомани, – и грабежи, и смертоубийства, как, впрочем, и в лесах муромских, и в достославных «градах Новгороде и Пскове», да и по всей Руси нашей много чего бывало, – только зачем же литературные-то скамейки ломать?

Богданович не ломает их, а уж о таких ли далёких и смутных временах повествует! Вот бы, казалось, напустить ему мороку, крови, смертей, бесовства и колдовства в сказе «Афонька правит посольство», но Богданович не поддается искусству ложной занимательности, ведёт сказ мягко, изящно и даже с юмором. Мне особенно понравилось место в сказе, где казак, то бишь посол Афонька, вступил в переговоры с киргизами: «Заспоривши, Афонька вгорячах и не заметил, как он, не дожидаясь, что ему толмач переложит, начал говорить по-киргизски. И Киргизии, и толмач тоже вгорячах такого не приметили. А толмач уже и вовсе путал, кому и как говорить, и кричал Афоньке по-киргизски, а своему киргизину по-русски... Афонька меж тем рассердился вконец: «Да вы чо?! Вы на конях, а я пешки пойду! Да ни в жисть не бывать, чтобы посол пешим шёл...» – Афонька даже плюнул с досады и сел наземь... Конные киргизы шумели, грозили, за сабли и луки хватались. Тогда Афонька вскочил, натянул шапку покрепче и, не глядя по сторонам, пошёл обратно, откуда ехал».

Хорошую книгу написал мой земляк Кирилл Богданович. Мне же в заключение хотелось бы поделиться вот какой невесёлой мыслью: езжу я немало по городам и весям российским, всюду встречаюсь с людьми, которые, не жалея, как говорится, живота своего, роются в пепле истории, выискивая редкие, бесценные крупицы из далёких времён о прошлом «своего города», своей родной земли, озвучивают голоса наших далёких славных предков, делают иногда это любительски, а иногда и по-писательски профессионально, как вот Кирилл Богданович. Труд их мне хочется уподобить труду замечательного вологодского реставратора Николая Ивановича Федышина, который из-под многих слоёв красок, из-под закоростеневшей копоти и пыли веков добывает и «открывает», и высвечивает истинные, бессмертные лики на фресках и иконах, сотворённых гениями древности. Но нигде, ни в одном городе никогда не видел я, чтобы энтузиаст-бессребреник числился бы в почётных гражданах, чтобы портрет его красовался на Доске почёта рядом с Героями Труда и патриотами родного края; и премий, областных или краевых, сколь мне известно, ни один из них так до сих пор и не удостоился.

Странно! Стоит только местному композитору-баянисту написать песню о «родном городе» на мотив новомодного шлягера или даже хотя бы какую-нибудь бравую «таёжную-молодёжную», как начинают все тому композитору хлопать, на всякие симпозиумы и совещания его посылать, в газетах карточки его печатать, всевозможные премии ему присуждать... Но вот кто, не жалея сил и здоровья, дни и ночи, иной раз тратя отпуск и выходные дни, ведёт

поиск, чтобы ныне здравствующие люди знали своё прошлое, тот, кто иной раз даже жизнь кладёт «на паперть» своего города, ещё нет-нет да нагоняй получит за излишнее любопытство или какую-нибудь спутанную дату и циферку, кличку чудака приобретёт... Видно, и впрямь судьба летописца – судьба подвижника. Может, в этом его назначение и счастье? Будем думать так. И этим утешим себя и тех симпатичных, чаще всего тихих, умных и самоотверженных людей, которые сидят в архивах, либо копаются в запасниках музеев, в земле и развалинах, извлекая ту самую «золотинку», без которой казна и история Отечества нашего есть неполная.

*Виктор Астафьев,
1974 год*

Зачин

В малой горнице воеводских хором сидят двое – приказной подьячий Красноярского острога Зиновий Лопатин, недавно прибывший в острог вместе с новым воеводой Мусиным-Пушкиным, и рядовой казак пешей сотни Афонька Мосеев, меньшой внук старейшего на остроге казака Афанасия Мосеева.

Зиновий Лопатин ещё совсем молод, лет ему двадцать пять. У него русые волосы, большие серые глаза под тёмными бровями и небольшие усы. А бороды нет, подбородье скоблено наголо. И то дивно Афоньке. Говорят, новый государь, царь Пётр Алексеевич по иноземному обычаю повелел всем боярам, дворянам и иным знатым людям бороды брить. А кто волен бороду растить – тот пошлину должен платить. Только чёрным людям да купцам, да попам с монахами дозволено бороды носить. Одет Лопатин тоже не как иные. На нём ладно сшитый чёрный кафтан, отороченный серебряным позументом. Из-под расстёгнутого воротника кафтана видна белая верхняя сорочка, отделанная кружевом. Из-под рукавов кафтана выбиваются такие же снежно-белые кружева.

Афонька Мосеев одет в обычный свой казацкий кафтан. Он постарше подьячего. Ему уже за тридцать. Светлые волосы его стрижены в кружок. Афонька тербит тёмную окладистую бородку и синими глазами поглядывает то на подьячего, который сидит за небольшим столом на резном стуле с высокой спинкой, то на стол.

На столе в ряд разложены чинёные гусиные перья, стопа чистой резаной в четверть бумаги, песочница с мелким сухим песком, чистая тряпица, чтоб вытирать перо, ножичек в чехольчике – перо новое зачинить, медная чернильница с уже откинутой крышкой. Чернильница занятая. Это маленькая острожная башня. На ней даже изображена каменная кладка, а крышка сделана, как шатровая кровля с остроконечной маковкой. Изладил эту затейливую чернильницу посадский умелец, бронник Ивашка.

Всё приготовлено, чтобы писать.

Вот подьячий тонкой белой рукой с длинными гибкими пальцами берёт из стопы лист бумаги и кладёт перед собой, макает перо в чернильницу-башенку и, оставивши его там, говорит:

– Ну что же, начнём? – и вопросительно смотрит на казака.

– Давай зачнём, Зиновий Иванович, – согласно кивает казак и, пододвинувшись на своём складном стульчике ближе к столу, опирается локтями о столешницу, подпирает кулаками голову и начинает сказывать:

– Ну, стало быть, так. Было это опосля хождения дедова в киргизы...

С первыми словами казака подьячий ловко вынимает перо и начинает быстро записывать всё, что ему рассказывает казак. Иногда он велит ему остановиться, переспрашивает его, потом опять начинает писать.

Они сидят по часу, по два и по три. Когда поутру, когда и в полдень, а когда поздно вечером, при свечах.

Иногда к ним заходит сам воевода Пётр Саввич Мусин-Пушкин. Подсядет к столу или станет за стулом у подьячего, опершись о высокую резную спинку, и слушает, что казак рассказывает.

А недавно зашёл, взял листы, ранее исписанные подьячим, почитал и покачал головой:

– Да так ли всё, казак, как рассказываешь? – недоверчиво спросил воевода, глядя в упор на сказчика.

– Истинно всё так! Могу крест на том целовать.

– А не прибавляешь ли сам к тому, о чём рассказываешь?

– Ни на столько, – отвечает казак и показывает кончик мизинца. – Как дед мне сказывал, так и я вот ему всё довожу, почитай, слово в слово. Уж ни убавлю, ни прибавлю ничо. Я всё с одного раза запоминаю накрепко. Как дед мне поведает чо, так я и запомню. Ей-ей! А коль чему у кого из вас веры нет, можете у отца моего спросить, десятника Афанасея. Он многие дедовы сказы со мной слыхивал.

– Дивная память у него, Пётр Саввич, – вступает в разговор подьячий. – В изумление приводит, я ведь проверял его память.

– А как? – спросил воевода, поворачиваясь к подьячему. – Сам ли что ему сказывал, а потом велел пересказывать?

– Нет, – перебил Мусина-Пушкина подьячий. – Иначе. Я прочитывал ему лист-другой из космографии или из летописца, и он, прослушавши, пересказывал мне спустя день или два почти слово в слово.

– Вот как. А ну-ка, ну-ка. Я сейчас сам. Подожди.

Воевода быстро вышел из горницы и вскоре вернулся с толстой книгой.

– Вот, – заговорил он, – повести древних лет переписаны. О нашествии Батыевом, о взятии Казанского царства и иные. Не чёл из этой книги ничего ему?

– Нет. Это же твоя книга, Пётр Саввич. Завсегда у тебя в опочивальне на столике у постели, как же я мог, не спрося...

– Верно, верно. Ну так вот, казак, сможешь ли повторить с одного разу то, что я тебе прочту сейчас из этой вот книги? Тут тоже про ратные дела речь идёт.

– Ну чо ж. Читай, а там видно будет, – ответил казак.

– Ладно. Слушай же.

И воевода, усевшись за стол и развернув книгу, стал медленно и громко, водя пальцем по строчкам, читать повесть о Батыевом нашествии. Казак притих и, прикрыв глаза ладонью, пристально слушал. Вот воевода перевернул лист, вот второй, вот третий, он уже устал от долгого чтения и стал кое-где спотыкаться, и голос у него охрип, но всё же читал дальше, пока не прочёл повесть до конца.

– Уф! Всё. – Он вытер повлажневшее от усталости лицо.

– Ну как, расскажешь ли вот сейчас про то, что слышал? – спросил он казака.

– А чо ж не рассказать! – усмехнулся казак. – Всё то ведь знакомое, как у нас же: битва с врагами за свои земли. А не ведал я ранее про эти дела. Слыхать-то слыхивал, а вот чтоб так красно складно всё молвлено было, так не доводилось ни от кого слыхивать. Ну да ладно. Зачну сказывать. Вот, значит, было так.

И казак, как с листа читал, стал почти слово в слово сказывать повесть о Батыевом нашествии.

– Экая память-то! А? – дивился Пётр Саввич, хлопая себя по коленам.

Потом, когда казак смолк, Пётр Саввич сказал ему:

– А знаешь, я тебя к себе в приказ возьму.

– За чо? – испуганно спросил казак.

– Да нет, не бойся. Не за вину какую, – ответил ему воевода. – На службу в приказ возьму.

– А чо я в приказе служить буду? Я же в грамоте мало смыслю, читать только маленько могу, а писать так и вовсе...

– Ничего. С такой памятью, как у тебя, во многом ты мне, казак, сгодишься. А пока досказывай свои сказы Зиновию Ивановичу. Много ли осталось?..

– Ох и много ещё! – ответил казак.

– А много ль ты уже записал от него? – спросил Мусин-Пушкин у Лопатина.

– Да не мало. Вот. – Он вытащил из небольшого дорожного сундучка-укладки, что стоял на лавочке у стола, толстую тетрадь. – Вот здесь уже перебелены некоторые его сказы с черновых листов. Здесь и про острожное становленье, и про ясачный сбор, и про осаду Красно-

ярского острога во время набега киргизского, и про то, как дед его, – он кивнул на казака, – татарчонка усыновил и на матери того татарчонка женился, и про одного гулящего человека Стеньку, которого киргизы до смерти на пашне побили: не хотели, чтоб русские землю запахивали, на сибирской земле корни пускали. Про многое записано.

Мусин-Пушкин внимательно слушал, глядя на толстую тетрадь в руках Лопатина.

– Ну и что ты с этими сказами будешь делать?

– Не знаю. Один список белой я уже отослал на Москву дядюшке своему с матушкиной стороны. У него в его вивлиофике¹ будет лежать.

– Я знаю его, слыхивал – книгочей он великий и книг, и печатных и рукописных, собрал много. И наших, и иноземных. К нему, рассказывают, – шёпотом заговорил Мусин-Пушкин, – сам князь Василий Голицын в свои красные денёчки захаживал на иные книги глянуть, голландского да английского и римского тиснения, какие у твоего дядюшки были. Тот ли это дядюшка?

– Да, да, тот самый, вот ему-то и послал я один список. Мне его там писарь приказной с моего списывал. Всё внятно для чтения. И буквицы вывел киноварью. Может, когда и государю покажет. Он-то, государь, охочь до таких гишторий, как ты говорил.

– А этот список куда денешь? – воевода указал на толстую тетрадь в руках у подьячего.

– Этот? У себя хранить буду. Ещё списки со временем сделаю. Дам прочесть, кому в охоту станет.

– Вот что, – потянулся к тетради воевода. – Дай-ка мне его.

– Зачем? – всполошился Лопатин.

Забеспокоился и казак. Он привстал со своего стула и смотрел на воеводу.

Мусин-Пушкин засмеялся.

– Ну вот. Поиспугались, ровно малые ребята, у которых игрушку отымают. Да ты, Зиновий Иванович, не страшись. Прошу тебя на прочтение дать сию тетрадь. Верну, цела будет, – успокоил их воевода.

– Ну это совсем иное! – улыбнулся, блеснув белыми ровными зубами, Лопатин. – Только прошу тебя, Пётр Саввич, с великим бережением тетрадь эту... У меня-то черновых записей не осталось...

– Ладно, ладно. Разве я не смыслю, какая для тебя это ценность. Не беспокойся. – И, приняв из рук Лопатина заветную тетрадь, Мусин-Пушкин удалился, бросив им напоследок:

– А вы оба давайте дальше за свои труды беритесь.

И снова пошли дни, пошли новые сказы, и уже который лист, исписанный наспех, торопливо откладывал подьячий, чтоб потом сразу же переписать набело и после этого ещё прочесть рассказчику: не исказили ли второпях чего-нибудь.

И рассказывал ему, подьячему Зиновию Лопатину, казак Афонька Мосеев про то, как его дед, Афонька же (это имя было у них родовым, и называли им каждого первенца в семье), десятником стал; и про то, как он послом в киргизы ходил; и про то, как знакомство свёл в давние годы с красноярским приказным подьячим Богданом Кириллычем, и как от него первый в их роде Мосеевых грамоте выучился; и про то, как в тюрьму был посажен за супротивство атаману своему. Про многое рассказывал казак. А подьячий записывал и записывал, и с великой жадностью про всё новое выпрашивал. И так почти каждый день, коль служба им не мешала.

Но однажды, когда казак, как заведено было, пришёл к подьячему, тот встретил его хмурый и огорчённый. На столе не были разложены ни бумаги, ни перья, ни прибор чернильный.

– Ты чо кручинный такой, – запытал тревожно казак. – Аль хворый? Аль с воеводой чо не так?

– Нет, не болен я. И с воеводой мы в ладе всегда и в согласии живём. Тут иная нам с тобой беда. – И он положил руку на плечо казака.

¹ Приводится старое написание слова библиотека. – Здесь и далее примечания автора.

– Да чо такое, какая беда?

– Не писать мне пока дальше твои сказы, Афанасий. Пришёл с нарочным из Тобольска государев указ – возвращаться мне без промедления на Москву, в Сибирский приказ. Зачем, почему – неведомо мне.

– И скоро ль ты поедешь?

– Да вот через день-два. С соболиной казной вот и пойду, а они уже в путь давно готовы!

– Жаль-то какая! – воскликнул казак.

– Жаль, – подтвердил подьячий.

– А я ведь ещё тебе про многое не сказывал...

– Эх, мил-человек Афанасий, не трави моё сердце. Держи всё это в памяти, держи... Я думаю, доведётся ещё нам с тобой свидеться. Я тебя из Сибирского приказа на Москву вызову. Вот как!

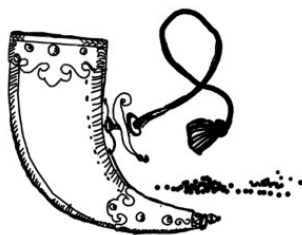
– И-и чо ты! Воевода не пустит. Слышал же сам – в службу в приказ меня взять хочет.

– На время пустит. Уж я его упрошу. А может, и мне доведётся ещё в Красноярск приехать, и ты мне все свои сказы поведаешь.

На том они и расстались.

Через два дня подьячий Зиновий Лопатин уехал из Красноярского острога, увозя с собой и заветную укладку, в которой лежали сказы про старого десятника Афоську, записанные со слов его внука. В Москве Лопатин отдал искусному писарю эти бумаги, и тот красиво их переписал в единую тетрадь. Лопатин переплёл её в кожу и на коже велел вытиснить: «Сказы про сибирского казака Афоську Мосеева».

Вот эти сказы.

Сказ первый

Осторожное ставление

Низкое закатное солнце багрянило воду. Напористый ветер гнал рябь по воде. Напрягая жилистые руки, Федька раз за разом дёргал пеньковую верёвку – из воды комлем вперёд лезло листовенничное бревно. По пояс мокрый, уваженный в смолье, песке и глине, Федька, оступаясь на галечном берегу, тащил тяжёлую лесину. Наконец остановился и утёр пот с лица. Дальше одному тащить было не под силу. Федька огляделся.

Вон они, казаки, кто с чем – с топором, с теслом, с пешнёй, с напарьем², с заступом.

По всему берегу Енисея рассыпалась его сотня. Стучат топоры, отёсывая брёвна. Белая щепа устлала берег, ровно кто больших рыбин накидал, из сетей вытащенных. А на яру скрипят ворота, втягивая брёвна наверх. И тож топоры стучат. Уж которую неделю идёт осторожное ставление.

Великий труд – острог³ ставить, да ещё в земле незнаемой. Когда сюда шли – всего ждали. Но пока бог миловал – всё было ладно. Качинские иноземные люди не трогали казаков да ещё помогать обещали. Встретили их, казаков, на пути к Красному Яру Тюлькиной землицы⁴ князцы Татуш и Абытай – уже за Порогом⁵ это было – лошадей давали – лес на острог возить. Да лошадей всё одно мало. Спешит воевода Ондрей Анофриев сын Дубенской⁶ до осени острог поставить, пока дни погожие.

Федька ещё раз огляделся: сзади горы и лес-тайга. Впереди, за Енисеем, опять же – горы. И с боков. И кругом тайга. А что и кто в тайге той: друг ли, ворог или только зверь лесной – неведомо.

Облизав обветренные потрескавшиеся губы, Федька крикнул:

– Эй, казачки! Подсоби кто.

От одной кучки служилых, что сгрудились у воды, вытягивая на берег большой дощаник, отделился дружок Федькин, казак его же сотни Афонька. В нём, как и в Федьке, трудно было и казака-то признать. В рваных холщовых портах, завёрнутых выше колен, в холщовой же рубахе без опояски, от солнца чёрный весь – мужик, да и всё.

– Чего, Федя, подсоблять-то?

– Да вишь вот, лесина. Не управлюсь один.

– Эк сколь лесин натаскали, и всё мало, – проворчал Афонька.

– С тыщу, поди, приплавили? – спросил Федька.

– Боле. Тыщу и ещё два ста. Ну давай, взяли!

Они положили верёвку на плечи и, согнувшись, разом навалились. Тяжело переступая, хрипя надсадно, поволокли. И вот бревно легло в ряд с десятками других.

– Тяжело, – выдохнул Афонька.

– Ага, чёрт – не лесина!

Афонька с Федькой присели около брёвен. Уж очень ноги гудели, и руки ныли, и спины ломило.

– Стемняет скоро, – сказал Федька.

– Угу, – кивнул Афонька.

² Напарье – сверло, бурав с коловоротом.

³ Острог – здесь крепость, укрепление.

⁴ Тюлькина землица, или Качинская землица – земли, лежащие в районе впадения Качи в Енисей.

⁵ Так называли тогда Казачинский порог.

⁶ Здесь и далее приводится написание Дубенской, а не Дубенский, как пишется сейчас. Автор оставил прежнее написание для сохранения общего стиля языка той эпохи.

– А чо, Афоня, сколь ещё... – утираясь подолом рубахи, начал было Федька, но не договорил.

– Слушай! – разнёсся зычный голос с высокого яра, где самый острог ставили.

– Слуша-ай! Слуша-ай! – подхватили ещё голоса.

– Атаманы кличут. Слышь, Федя?

– А может, что воевода огласить хочет?

– Всё едино. А ну...

Казакі поднялись и двинулись прочь с берега, по которому тянулись на скликавшие голоса и другие – по двое, по трое, по одному. Шаг их был тяжёл – устали казаки за день. Мелкий камень визжал под ногами.

Афонька с Федькой по тропе поднялись на крутой угор. Ветер был здесь сильнее. Он затрепал подолы, вздул рубахи пузырями, разметал волосы непокрытых голов.

Хоть и привычно, а всякий раз на кое время останавливался любой казак, поднявшись на угор. Остановились и Федька с Афонькой, потому – было поглядеть на что.

Прямо перед ними, на мыске, что речка малая Кача, вливаясь в Енисей, образовала, вздымались стены острога, ещё до конца не доведённые. Они ещё виднелись в притухающем свете дня, белея ошкуренными палями⁷. Ладно сложенные, они тянулись по четырём сторонам. Пять башен – две проезжие да три поменьше, на столбах ставленные, возвышались над стенами.

Может, и невелик был острожек – сажень пятьдесят-шестьдесят по каждой стороне, да дорог казакам: потому первое – сами ставили его, а другое – дале их никого из русских людей не было в сих местах.

Федька с Афонькой постояли, полюбовались.

– А ещё много ладить, – молвил Федька. – Обламы⁸ ставить, да ров копать, да вал сыпать.

– Много, – согласился Афонька.

И они пошли к становищу, где горели костры, двигались в сумраке тени. Доносился гомон людской. Пахло варевом.

– А сколь уже сделано... – вновь начал Федька.

– Тож много. Так ить нас-то, почитай, три ста тут. Чо уж...

– А сколь бы ни было. Всё едино – быстро мы острог ставим.

– Как не быстро, коли воевода понужает всё...

Да, что верно, то верно. Невдаве пришли они сюда, на Красный Яр. Ещё не стёрлось в памяти, как гуляли по городу Тобольску...

Шагая в сгущавшейся теми, Федька с Афонькой вспоминали, как попали сюда, в Тюлькину землицу на речке Кача.

А дело было так.

Шатался одна Федька на торжище с утра самого промеж люду разного.

Народ на торжище всякий. И молодой, и старый. И мужики и бабы; служилые – стрельцы да казаки; пашенные и посадские – русские и новокрещенные; гулящие люди⁹; жёнки казацкие и стрелецкие.

Глазел Федька по сторонам: покупать-то ему не на что было – поиздержался да испрожилась весь. Глядел на товар красный в лавках и на рундуках, что люди торговые выставили, на мягкую рухлядь, что люди промышленные в тайге добыли, глядел на хлебные торги, на кузнецкие поделки, на оружейников.

⁷ Пáли – очищенные от коры и опалённые на огне для крепости брёвна, из которых ставились стены острога.

⁸ Облáм – выступ в городской крепостной стене.

⁹ Пáшенные – занимавшиеся хлебопашеством крестьяне; посадские – жители посада, пригородной слободы, в основном ремесленники; гулящие – здесь вольные, без определенных занятий.

И только хотел Федька вспять поворачивать, чтоб до слободы идти, где жильё имел, как услышал – тулумбас¹⁰ бьёт. Протискался. Увидел – бирюч¹¹ стоит дюжий, борода – что помело, из-под бровей лохматых глаз не видать – и оглашает по торжищу, в грамоту глядячи:

– ...Указал государь-царь и великий князь Михайла Фёдорович всея Руси в Качинской землице на Красном Яру поставить острог... И для того острожного ставленья велено прибрать вновь в Тобольску и в иных сибирских городах атаманов и казаков, и своё государево денежное и хлебное жалованье велел им оклады учинить...

– Ты гли-ка, жалованье денежное, – сам себе сказал Федька и стал слушать дальше, что выкликал бирюч.

А тот оглашал, чтоб вольные люди всякие шли в государеву службу, в казаки, в Качинскую землицу для того острожного ставленья. А государева жалованья на платье и пищали¹² велети из казны дать. А послать тех новоприбранных атаманов и казаков из Тобольска в ту Качинскую землицу указал государь с Ондреем Дубенским...

Дослушал Федька указ до конца и потом враз за бирючом – на воеводский двор. А за ним ещё несколько, и осередь них один молодой мужик пошёл, из вольных же, как он, Федька, из безденежных же людей, Афонькой звать сказался.

Вот так, по великой нуже, и поверстались они в полк к воеводе Ондрею Дубенскому на острожное ставление и на государеву службу. А каждому, кто верстался на то острожное ставление, указаны были денежные оклады и государево хлебное жалованье: деньгами по пяти рублёв на год, да ржи пять четей¹³ с осьминой, да круп одна четь, да соли пуд три четверти. А выдавали жалованье на два года вперёд. Да ещё жаловал царь людей охочих, кто в Тюлькину землицу шёл, припасом для огненного боя: свинцом да зельем¹⁴.

Получили Федька с Афонькой задатку малую толику на прокорм да на одежонку, поставили кресты в столбце у дьяка, погуляли в кружале¹⁵ царёвом три дни.

Сидели Федька с Афонькой за столом дощатым, нестроганным, на лавке деревянной. Что с денег тех, какие получили они? Их, денег тех, хоть ещё столь, да ещё пол столь, да ещё четверть столь – всё едино не хватит, чтоб весь доспех казацкий справить. Чего уж там!

Пили Федька с Афонькой вино с тобольской винокурни, пили – не закусывали. Слушали, как поёт слепец-странник побывальщину про атамана Ермака Тимофеевича, как он поганого царя Кучума побивал, и думали свои думы.

А в кружале – чёрт-те чо. Кто пьёт, кто уже песни орёт, а кто соседу и во власы доспел вцепиться али в бороду, кто девку-блудницу тискает – шум, крик, визг, брань непотребная – срамотища!

Кружилась Федькина голова хмельная, плыло и качалось всё кругом. И уж чудилось ему, что идёт он с ватагою по Енисею-реке. Стал Федька, сидючи на лавке, грести, песню петь. Вскочил – лавку опрокинул, стол посунул – посыпались на пол кружки да кувшины.

Тут ухватил Афонька хмельного товарища поперёк тулова и уволок от греха подальше, потому как целовальник¹⁶ грозиться стал: ярыжек-де¹⁷ сейчас кликну.

Вот с той кабацкой гульбы и обзнакомились Федька с Афонькой.

¹⁰ Тулумбас – большой барабан.

¹¹ Бирюч – вестник, глашатай.

¹² Пищёль – длинное и тяжёлое ружье, заряжаемое со ствола.

¹³ Четь – мера веса для сыпучих тел, около девяти пудов.

¹⁴ Зелье – порох.

¹⁵ Кружало – кабак.

¹⁶ Целовальник – должностное лицо, давшее присягу (целование креста). Здесь – кабатчик. Кабатчики «целовали крест» в том, что будут соблюдать интересы казны при продаже вина.

¹⁷ Ярыжка – низший полицейский служитель в старой Руси.

Деньгам новоприбранные казаки, конечно, рады были, хоть и скупой дали им денег. Да ино правду сказать, не только корысти ради-для поверстались они на острожное ставление. Не корыстники токмо были. Лестно было им первыми идти в места дальние, украинные, в места незнаемые, первыми сыскать и привести под высокую руку государеву новые землицы, новых людей ясачных.

Молодцы Афонька с Федькой были добрые. Молодые оба – годов по двадцати с небольшим, ладные и крепкие. Горячие – страха ни пред чем не ведали. И с лица видные оба. Только у Афоньки волос светлый, а у Федьки тёмный. У Афоньки глаз светлый же, серый, и бровь прямая, а у Федьки глаз тёмный, карий, а бровь дугой поднялась. А рост у обоих один. Только Афонька в плечах шире и станом потяжелее против Федьки.

Умели Федька с Афонькой, как иные прочие многие, на саблях и копьях биться, стрелять изрядно из пищали, из лука ли. К топору и заступу тож привычны были. Сноровку имели и зверя лесного бить и коч¹⁸ вести.

И землю знали как обихаживать: пашни пахать, сеять, а потом жать и молотить.

И сабля, и соха казакам ведомы были...

Три атамана да шесть пятидесятников, да двадцать четыре десятника, да два ста семьдесят рядовых казаков – а всего три ста человек прибрал Ондрей Дубенской на острожное ставление в Тюлькину землицу на Каче-реке, куда ещё ране торговые люди Мамрук Косицын да Наум Пахомов хаживали.

Надобно было ещё человек со сто казаков набрать – так не было боле охочих людей. А свободных от службы государевой в городах и острогах тож не было.

Дав казакам новоприбранным погулять малое время, повёл их воевода в июне месяце из Тобольска-города на Енисей-реку по Иртышу и Оби.

Шли казаки, наспех, день и ночь беспеременно, чтоб замороз в пути не застиг. На шестнадцати дощаниках и пяти лодках шли люди Ондрея Дубенского. Много клади везли они: запасы хлебные – рожь да крупы. Снасть разную на судовое и острожное дело – скобы, гвозди, холст на парусы, якоря, бичеву, топоры, тесла, напары, скобели. Оружие везли – пищали да пушки, сабли и копья. Припас для огненного боя – свинец да зелье. На поминки и на угощение тамошних землиц людей, где зачнут острог ставить, и запасы хлебные и товар красный – сукна цветные и каменье одекуй¹⁹, да ещё олово в блюдах и медь в котлах – много всего.

Федька шёл на одном дощанике с Афонькой и атаманом Иваном Кольцовым, в сотню которого повёрстан был. Сидел Федька в гребях с Афонькой. Пока на Красный Яр шли – крепко сдружились оба казака. Сдружились через тяготы и беды разные, помогая друг дружке.

А бедовали они много. Ой как бедовали!

Как до Кети-реки шли – всё ничего было. Легко шли. А вот с Кети началось. Воды в Кети на местах было в поларшина, где аршин. А дощаники строили в меру добро, великие и грузом глубокие, и под самые малые воды надо было аршин с четвертью. Вот и пришлось легчить дощаники – сгружать грузы и толкать дощаники порожние по воде. И бродили Федька с Афонькой по многим мелям, идучи по реке Кети, по все дни беспрестанно. От водного брожения и озноба перепухли многие казаки и перехворали.

До острога Маковского²⁰ дошли уже к осени и здесь выгрузились и построили избы для зимовья. А дальше путь шёл на Енисейск и был он ещё тяжче. И хоть не чаяли казаки лёгкой зимы в избяном тепле, а всё же тягости, которые им в удел достались, велики были. Ушёл с невеликим отрядом в Енисейск, ещё до санного пути, Ондрей Дубенской, велел по первому

¹⁸ Коч – речное и морское весельное и парусное судно.

¹⁹ Одекуй – сорт бисера или мелких бус.

²⁰ Маковский острог был основан в 1618 году на волоке между реками Кетью и Енисеем, неподалёку от Енисейского острога, основанного в 1619 году на месте нынешнего города Енисейска.

снегу нартами все клади в Енисейск волочь. И начали казаки переволакивать грузы в Енисейский острог. Тащили на себе гружёную нарту неделю, а обратно с порожними нартами приходили на четвёртый день. И опять без продышки в лямки впрягались.

А лошади, которых купили для возки запасов у местных иноземных людей, пали все с голоду да с перегону.

Да и сами казаки были в бесхарчице, потому как годовые полные оклады хлебные приели. Покупали у местных гнилую просоленную рыбёшку по гривеньке, фунтовую. И наготу великую терпели; продали с себя платишко и обувишко последнее для ради того, чтобы наймовать енисейских мужиков пашенных запасы возить в Енисейский отрог. Двадцать четыре рубля своих денег заплатили казаки енисейским пашенным мужикам за возку кладей. А и как иначе-то было бы, коли сами от хворости полегли и из сил повыбивались. А иные от тягостей и хворей померли даже.

А только свои запасы повыволокли, внове пошли в Маковский за казённой кладью.

Так всю зиму, как челноки, сновали от Маковского к Енисейскому острогам. А в Енисейске по весне, на Николин день, срубили двенадцать дощаников и три струга ертаульных²¹, да ещё один дощаник купили, своими же деньгами сложились, десять рублей за него дали – грузы многие класть некуда было.

И после Николина дня, как прошёл лёд с Енисея, тронулся караван вверх по реке.

Поднимались долго и трудно. Где под парусом шли, где на вёслах, где бичевой. До Большого Порога шли три недели. Да на Пороге две недели запасы из дощаников на берег носили, потому как не одолеть было Порог по воде, посуху обойти его надо было. А от Порога до Красного Яру ещё три недели шли.

Шли повсемест осторожно. На ночлегах и стоянках обеденных засеки крепкие ставили, чтоб никакие люди безвестно не пришли и никакого дурна не учинили. Правда, иноземцы местные разбоя не учиняли, но бережёного и бог бережёт.

И вот пришли на Красный Яр, где острог велено ставить было. И в том месте, где в Енисей-реку малая речка Кача впадает, указал Ондрей Дубенской ратным и мастеровым людям, которые из Енисейского острога взяты были, место под острог метить.

Когда подходили к Красному Яру, то берег казаки без боя взяли. Качинские татаровья – киштыми²² киргизские – пометали было стрелы из кустов прибрежных, пошумели на угоре, угрожаючи казакам. Но казаки, как они уже под самым берегом были, попрыгали с дощаников и – кто по пояс, кто по груди в воде – пошли на приступ, укрываясь за дощаниками и толкая их перед собой, как щиты. Дошед до берега, из пищалей ударили. Татары качинские побежали. Вот и весь бой был. Ни пораненных, ни побитых. Только у Федьки шапку стрелой сбило, потому горяч больно, из-за дощаника ретиво высунулся, ну а татары – стрелки добрые – враз сбили с Федьки шапку.

В тот же день, как берег взяли, становище поставили. И хотя много мук и тягот приняли казаки, пока на Красный Яр пришли, всё же месту этому рады были. И потому, что конец долготу пути пришёл, и потому ещё, что уж больно место красно и ужоже было, которое насмотрел Ондрей Дубенской.

– Четыре лета назад приискал я сие место, – говорил казакам Дубенской, когда ещё только вышли все на берег и оглядывались. – Много обошёл урочищ, а пригожей этого не нашёл. И от недруга к обороне способно будет, когда острог поставим. И пашни пахать можно здесь, и покосы есть. И рыбы, и зверья, и птицы разной вдосталь.

И вот начали казаки острог ставить, где и как мастера острожного ставления наметили. Но сперва поставили городок дощанный и вокруг острожного места надолбы укрепили крепко

²¹ Ертаульные струги – суда, несущие разведочную и караульную службу.

²² Киштым – данник.

от опасного какого ратного дела. А лес берёзовый на надолбы на себе носили к острожному месту за версту и боле. А после судовое пристанище очистили и от самого Енисея надолбы провели до острожного места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.